

На вопросы редакции журнала «ЗАКОН» отвечает адвокат, кандидат экономических наук, создатель и управляющий партнер *Zharov Group* — единственного в России адвокатского бюро, специализирующегося на вопросах экологического права, **Евгений Жаров**

МЫ СТОИМ НА ПОРОГЕ СОЗДАНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО КОДЕКСА, И ОН НАМ НУЖЕН

Адвокат, управляющий партнер *Zharov Group*, кандидат экономических наук, член Адвокатской палаты города Москвы, лауреат международной экологической премии *EcoWorld* Российской академии естественных наук, сертифицированный адвокат образовательной программы *HELP* Совета Европы, представитель России на конференции по устойчивому развитию в Риме. В 2021 году отмечен в международном юридическом рейтинге *Best Lawyers* и в числе 10 лучших юристов России по экологическому праву по версии газеты «Коммерсантъ». Компания *Zharov Group* названа среди лидеров, оказывающих услуги в области экологического права по версии ведущего российского рейтинга Право-300.

— Как Вы выбрали экологическое направление специализации в профессиональной деятельности?

— Я к этой теме подступался постепенно. Вначале я занимался экономикой природопользования, в рамках своей кандидатской диссертации разрабатывал методику оценки влияния природы на жизнедеятельность человека и потенциал этого влияния в денежном выражении: сколько стоит природопользование во всех его компонентах окружающей среды, какие аспекты нужно учитывать при принятии решений по управлению регионом с учетом антропогенного воздействия на окружающую среду. Особенно интересовал вопрос способности природы к самовосстановлению. На втором курсе университета в 2002 году меня увлекла сфера экологии. Я примкнул к числу разработчиков научно-исследовательской работы, связанной с выработкой подходов по оценке состояния водного объекта.

В итоге это увлекло меня настолько, что результаты НИР, которую я проводил, удаивались высоких оценок на научных конференциях, публикациях в научных изданиях, монографиях.

В аспирантуре я продолжил заниматься наукой и через два года вышел на защиту диссертации по проблемам взаимодействия экологии и экономики. Диссертационный совет состоял из ученых в области экологии и экономики, а оппонировал диссертацию академик РАН.

Потом был период самообразования и административной практики в одной из крупнейших консалтинговых компаний, поэтому проверки бизнеса и их сопровождение с активным участием в арбитражных судах, безусловно, повлияли на мой 10-летний опыт работы в этой сфере.

С 2016 года образовалось небольшое направление практики по экологическим спорам, и с 2020 года — адвокатское бюро, в состав которого вошли неравнодушные к этим вопросам специалисты в сфере экологического права.

В какой-то момент наступила ясность, и было решено, что статус адвоката — это своего рода публичное заявление о серьезных намерениях в профессии, вызов. Благодаря этому изменилось мое внутреннее отношение к делу, которое я делаю. Оно стало осознанным, взвешенным и ответственным. Теперь я всегда на стороне закона, несмотря на мое эмоциональное предпочтение. Появилось много новых знакомств и друзей. Моя профессия меня увлекла. И я больше не задумываюсь над правильностью сделанного выбора.

Несомненно, право и экономика неразрывны. Право обслуживает экономические отношения, но в том, что касается природы и экологии, право является поборником интересов общества во имя благополучия всех граждан, так как природа — это наш общий ресурс.

Я не отношу себя к сторонникам защиты природы, но считаю, что моя роль заключается в том, чтобы найти рациональный подход в каждом конкретном случае и не допустить злоупотребления правом.

Я называю это сохранением баланса интересов человека и природы. Моя миссия — сделать мир чище с помощью закона.

Бизнес настолько глубоко погружен в решение разных вопросов, что экологией озабочены в основном те, над кем нависает угроза лишиться из-за этого бизнеса. Это опасные добывающие, перерабатывающие производства. Но ведь многие предприятия зачастую заняты текущим управлением, поиском кредитов и выбиванием долгов, и им точно не до экологии.

Сейчас в России происходит становление экологического права. Принимается много новых законов, вносятся изменения в существующие акты. Нужно держать руку на пульсе. Отрасль экологического права очень широкая, поэтому важно выбрать свою специализацию и осваивать постепенно.

Наше бюро пока единственное в России и уже снижало ряд наград. Так, мы вошли в число лидеров, оказывающих услуги в области экологического права по версии рейтинга газеты «Коммерсантъ».

— Чтобы заниматься практикой в этой сфере, нужно ли дополнительное образование помимо юридического?

— Это хороший вопрос. Мы пришли к мысли, что просто быть юристом мало. Мой опыт начался с управленческо-экономического образования с научным углублением в область экономики природопользования. Необходимо иметь в виду, что эта отрасль очень живая и развивающаяся, количество нормативных актов и судебных споров увеличивается с каждым днем. Невозможно получить какое-то образование и на этом остановиться, требуется постоянное совершенствование. Я и мои коллеги в бюро много учимся, постоянно пишем, читаем, посещаем мероприятия, курсы, обмениваемся опытом с действующими экологами на предприятиях и хорошо понимаем, насколько широка эта практика. Экологическое образование складывается из разных сфер. Вроде это очень узкая область, но, когда в нее погружаешься, она оказывается очень широкой, требующей знаний различных отраслей права, частного и публичного, начиная от вопросов оформления экологической отчетности, определения размера ущерба, экологических деликтов и заканчивая уголовной, административной, гражданской ответственностью. При этом юриспруденция в требуемом массиве знаний занимает около 40%, а все остальное — опыт, текущая практика, знание естественных наук, умение получать новые

инструменты и способы выстраивания защиты и, конечно, профессиональная интуиция.

В нашей команде мы действуем сообща, обсуждаем, планируем, строим линию защиты, берем на себя повышенную ответственность. Каждое наше действие ведет к результату.

Наш подход в работе был оценен на самом высоком уровне. В 2021 году Российская академия естественных наук в рамках международного конкурса «Эко-Мир» вручила нам награду за вклад в экологическую политику и охрану окружающей среды.

Это высочайшая награда, быть почетным обладателем которой наряду с ведущими мировыми учеными — большая честь для нас. Мы единственная команда юристов в России, которая удостоена этой награды.

Мы взвешиваем каждый шаг и каждое дело, выезжаем на место, осматриваем производство. Мы должны видеть ситуацию своими глазами, только тогда есть шанс на объективную оценку каждого случая.

Никакие системы и решения на уровне государства не смогут изменить отношение человека к экологии. Наша общая задача состоит в том, чтобы создать максимально открытую систему в области экологии, информировать о происходящих событиях и результатах, рассказывать о людях и предприятиях, которые думают над вопросами охраны окружающей среды.

— Много специалистов работает сейчас в компании?

— Мы постепенно растем. Моя команда — это неравнодушные, позитивные профессионалы, которые делают свое дело на самом высоком уровне, и каждый увлечен своим направлением.

Любой человек — это вселенная с набором принципов, правил, привычек. От нас всех зависит результат. Для меня результат — это вклад каждого игрока, и клиент — тоже член моей команды. А результат зависит от доверия друг к другу, поддержки, от того, насколько человек погружается в дело, и от того, что нам действительно важно. Если этого нет, то резуль-

тат никто не создает и он будет неожиданным для всех.

Сейчас нас около 20 человек, включая экологов, юристов, консультантов, экспертов. База экспертов у нас большая, у каждого своя специализация, начиная от науки о снежных плесенях, заканчивая вопросами метрологии, например как правильно и достоверно должны быть получены данные о состоянии окружающей среды. Есть некоторые трудности с поиском и подбором персонала, в том числе связанные с особой миссией нашей компании. Мы не просто защищаем природу, а пытаемся найти оптимальное решение, обеспечивающее баланс интересов экономики и природы, учитывая объективные обстоятельства и свойства природы. Также мы активно занимаемся просветительской и благотворительной деятельностью в области экологии.

Сотрудничаем с ведущими научными школами РАН, СПбГУ, МГУ, ИЗиСП в сферах развития практики, исследований и экспертиз. Участвуем в совместных мероприятиях и публикациях в научных журналах, входим в ученый совет Каспийского диалога стран Конвенции о защите Каспийского моря.

Наша команда — это профессиональный помощник клиента, который оказался в трудной ситуации или имеет намерение получить исчерпывающий ответ на вопрос, принять решение, оценить риски. Клиенты дают нам возможность развиваться, потому что не существует клиентов с одинаковыми задачами. Наши клиенты не враги природе. Видимо, что-то в управлении бизнеса было продумано не до конца, на что следует обратить внимание и приложить все усилия, чтобы выяснить, что именно, и не допустить негативных последствий.

Забота о соблюдении закона по отношению к клиенту — это наивысшая ценность для нас. Никому не дано право безосновательно сомневаться в законности намерений и действий клиента, соблюдение порядка — это основа баланса в экономике.

Забота о природе — это в первую очередь способность признать, что есть проблема и приложить все усилия по ее устранению в целях соблюдения баланса между сохранением природы и деятельностью человека.

— В чем особенность именно экологического законодательства? Почему не хватает инструментов частного права для решения вопросов компенсации причиненного ущерба? У любого ресурса есть собственник, в том числе государство, вопрос о компенсации ущерба может решаться как спор между собственником ресурса и причинителем вреда, разве нет?

— В природоохранных отношениях ущерб — это результат целого ряда событий и управленческих решений.

Во-первых, в основе причинения ущерба природе всегда лежат проблемы, связанные с методологией, управлением, знаниями. С ущербом мы работаем не только как с последствиями, мы должны разобрататься в причинах, оценить, можно ли выстроить так работу предприятия, экономику региона, чтобы в последующем не допускать повторения вредоносной ситуации. Нужно учитывать, что не все сразу способны внедрить новые технологии, нивелировать последствия одномоментно. Поэтому вопрос находится не столько в плоскости гражданского разбирательства, сколько в том, чтобы выявить объективные причины в деятельности компании, воздействующие на природу, минимизировать и не допускать их в будущем. Для бизнеса эта задача очень сложна и важна. Ни у кого нет цели умышленно причинять вред окружающей среде. Все понимают, что живут в этом же регионе, там их дети, сотрудники, жить с клеймом загрязнителя природы никто не хочет.

Во-вторых, в экологических деликтах действует презумпция экологической опасности, согласно которой вред, причиненный окружающей среде, презюмируется, если не доказано обратное, поэтому нормы гражданского права не работают в прямом их применении. Необходимо скрупулезно помогать судам разрешать такие дела, занимать активную позицию по доказыванию своей невиновности и не уклоняться от участия в процессе. Неверное применение законодательства влечет существенные убытки для природопользователей, значимые материальные и репутационные потери. На практике случаются перегибы, так как везде присутствует человеческий фактор. Мы изучаем каждый случай, чтобы наблюдать развитие практики на местах.

— В Уголовном кодексе есть ответственность за геноцид и экоцид. Понятно, что геноцид не может быть неумышленным. А может ли быть неумышленным экоцид? Есть ли случаи в практике применения этой статьи?

— Да, экоцид предполагает умышленное массовое уничтожение растительного или животного мира, отравление атмосферы или водных ресурсов, а также совершение иных действий, способных вызвать экологическую катастрофу. В ряде стран, в том числе в России, экоцид уже квалифицируется как преступление. В этих странах действия, которые могут представлять собой экоцид, включают нанесение значительного ущерба, или разрушение экосистем, или нанесение вреда здоровью и благополучию какого-либо вида, включая человека.

У нас экоцид — это преступление против мира и безопасности человечества, предусмотренное ст. 358 Уголовного кодекса РФ. Экоцидом считается массовое уничтожение растительного или животного мира, отравление атмосферы или водных ресурсов, а также совершение иных целенаправленных действий, способных вызвать экологическую катастрофу. Такое преступление наказывается лишением свободы на срок от 12 до 20 лет и не имеет срока давности.

За все существование экологических споров можно вспомнить пару случаев. Лесные пожары в Сибири в 2019 году. Одной из причин стало принятие РФ в 2006 году Лесного кодекса, который разрешил доступ лесозаготовительной и иной добывающей промышленности в ранее недоступные для них участки лесов, а также отсутствие на практике какого-либо наказания за поджоги лесов. Значительная часть пожаров в Сибири возникает из-за условий действующего законодательства, стимулирующего повторный ввод в эксплуатацию земель советских сельскохозяйственных угодий. Как правило, в реальности это вызывает массовые незаконные поджоги дикой растительности. Сельскохозяйственные палы в целом по территории РФ носят практически все-сезонный характер, исключая разве что глубокую зиму.

Трудность применения норм УК по этому составу заключается в том, что всегда предполагается наличие

умысла и обязательное последствие в виде фактического уничтожения какого-то из компонентов окружающей среды. Предметом этих преступлений является сама окружающая среда и ее наиболее значимые компоненты: земля, недра, леса и растительный мир в целом, животный мир, воды, атмосферный воздух, континентальный шельф, морская среда, особо охраняемые природные территории и объекты, в том числе краснокнижные растения и животные, но суды не стремятся распространять экоцидную практику, так как у нас практика может быстро положить конец многим сферам экономики, находящимся в состоянии развития. Экологическая практика только-только приобретает очертания для более четкого регулирования и кодификации.

Одной из крупнейших акций экоцида считается подрыв войсками Ирака 1200 нефтяных скважин, ряда нефтепроводов, нефтехранилищ и потопление кувейтских танкеров во время войны в Персидском заливе. Возникли пожары, не имевшие по масштабам прецедентов в истории. Каждый день сгорало около 1 млн т нефти, при этом выбрасывалось в атмосферу 50 тыс. т диоксида серы, 100 тыс. т сажи и 80 тыс. т углекислого газа. В радиусе 1000 км выпадали загрязненные осадки (черные дожди), что вызвало снижение продуктивности сельскохозяйственных угодий и массовые заболевания среди населения. В Персидский залив вылилось около 400 т нефти, нефтяное пятно образовалось на площади в 10 тыс. км². Экосистемам залива и прибрежных территорий был причинен значительный вред, наблюдалась массовая гибель птиц.

— **Вы считаете, что нужен специализированный кодекс?**

— Да, конечно. Необходимость кодификации норм права, регулирующих вопросы экологии, обусловлена следующими причинами.

Во-первых, сейчас слишком много разрозненных актов, затрагивающих экологию, — больше 100 федеральных законов. При этом регулирование отдельных направлений значительно продвинулось вперед, а что-то только развивается, например регулирование деятельности в Арктике или законодательство об отходах производства и потребления. В правоприменении мы наблюдаем, что там, где деятельность ве-

дется давно и приносит хороший доход, существует понятное и проработанное регулирование. В тех же областях, где деятельность только начинается, регулирование не так проработано и наказания могут значаться менее строгие по сравнению с отраслями, где экономика способна отвечать за восстановление природного ресурса, за счет которого извлекла прибыль.

Во-вторых, отсутствие структурирования нормативной базы и судебной практики вокруг единого кодифицированного закона. Это создает различие в правоприменении на местах по аналогичным спорам и влечет отсутствие стандартов доказывания по делам одной категории. Поэтому мы учитываем регион, в котором разрешается судебный спор, практику разрешения конфликтов. Отслеживаем особенности, которые формируются исходя из промышленной обстановки в регионах. К примеру, практика там, где сконцентрирована добывающая промышленность и переработка природных ресурсов, отличается от практики регионов, в которых преобладает сельское хозяйство.

В-третьих, проблемы взаимодействия и различное толкование норм права государственными органами. Сегодня по одному и тому же спорному вопросу существует одновременно несколько правовых позиций государственных органов, такое наблюдается даже внутри одного министерства, и это связано не только с компонентами окружающей среды, но и с различием подходов при проведении надзорных мероприятий в отношении природопользователей.

В-четвертых, все чаще экология становится инструментом давления на бизнес со стороны общественников и желающих легкой наживы. Поэтому отсутствие гарантированного права, обеспечивающего защиту от незаконных действий, для природопользователей давно превратилось в проблему.

В-пятых, давно назрела необходимость прозрачности в вопросах экологической защиты и реализации принимаемых мер по предотвращению и недопущению нарушения прав граждан на благоприятную окружающую среду, гарантированных Конституцией. Таких примеров и случаев очень много, и большинство из них остаются без внимания и четкого механизма защиты этого права. Граждане годами пытаются до-

биться решения экологических проблем, создающих угрозу жизни и здоровью. Но случаев, где что-то в действительности удалось сделать, крайне мало. Злоупотребления правом со стороны ненадежных природопользователей, создающих угрозу экологии, должны решаться в пользу граждан, и должна обеспечиваться полноценная их защита. Пока требование возместить ущерб предъявляют только за причинение вреда окружающей среде, но вопросы человеческого здоровья и ухудшения качества жизни граждан в зоне причинения экологического вреда остаются вне регулирования. Мы должны иметь четкий и понятный механизм защиты и восстановления такого права.

— **Благоприятная окружающая среда — это общий интерес. Участвует ли общественность в экологических спорах? Влияет ли общественное мнение на принимаемые решения в области экологии?**

— Это очень важный и сложный вопрос. С одной стороны, многие экологические проблемы становятся известными благодаря общественности, тем же экологическим блогерам, и такое привлечение внимания часто дает позитивный эффект, например в случаях защиты Куштау, Шиеса и других нашумевших в СМИ экологических историй.

С другой стороны, проблема общественного вмешательства состоит в том, что часто представители гражданского общества не обладают профессиональными знаниями о характере хозяйственной деятельности, текущем уровне используемых технологий и их реальном воздействии на природу, а представители власти в случаях конфликта с населением предпочитают быть лояльнее к нему, не объяснять, а идти по пути наименьшего сопротивления, отказываясь от реализации проектов, вызывающих у людей несогласие. Безусловно, есть свой позитивный эффект для обеспечения принятия более взвешенных решений, влияющих на природу, но никто не оценивал экономические потери от того, сколько проектов осталось из-за этого на бумаге. Эта ситуация особенно ярко видна на примере мусорной реформы, когда в результате непродуманных решений или, наоборот, откладывания нужных решений в целях получения политических бонусов мы можем оказаться в ситуации экологической катастрофы в масштабах всей страны.

— **В чем заключается непродуманность таких решений?**

— Решили резко, без подготовительных мероприятий передать полномочия по вывозу мусора единым операторам. При этом заранее таких операторов не выбрали. Закон вступил в силу, и прежние перевозчики просто перестали возить отходы, потому что не хотели нарушать законодательство и нести ответственность. Аналогичная ситуация с утилизационным сбором. В подобных вопросах нужен плавный переход. Одним махом реформа не заработает.

Экология — это способ мышления. Необходимо начать мыслить по-иному. Тогда появится шанс сделать мир чище! И не важно, чем вы занимаетесь: производством, защитой закона, политикой — вы всегда стоите перед выбором. Пусть ваш выбор будет лучшим из всех возможных.

— **Почему у нас трудно установить отдельный сбор мусора?**

— Нет экономического стимула. К тому же сбор отходов обременен необходимостью соблюдения огромного количества формальных требований, включая требование получения лицензии на сбор, хранение и транспортировку отходов. Соответственно, производитель упаковки должен фактически вести еще одну параллельную деятельность по сбору отходов пластика, стекла и картона. Такие же трудности встанут перед строителями и другими компаниями, если они захотят использовать отходы в своей деятельности. Например, раньше по населенным пунктам ездили сборщики стеклотары и других отходов, поддающихся переработке, но теперь для данной деятельности нужна лицензия и соблюдение большого количества требований, да и экономической выгоды нет — стоимость тары крайне низкая, сдавать и сортировать отходы экономически невыгодно. Многие не хотят выполнять новые требования законодательства, привыкли работать по старинке.

— **Как решается эта проблема в густонаселенных странах третьего мира, где культура не выше нашей? Почему они там не задохнулись от мусора?**

— Мы привыкли смотреть в сторону развитых стран при изучении опыта, в том числе в решении экологи-

ческих вопросов. Опыт развивающихся стран плохо изучен, мы только сейчас начинаем проявлять к ним интерес, поэтому сказать, что там вопрос с мусором решен, думаю, нельзя. Они также используют прежде всего опыт западных государств. Нам нужно нарабатывать свой опыт, а не ориентироваться на другие страны.

Каждое государство решает проблему сбора и утилизации по-своему. К примеру, в Бразилии за шесть собранных пакетов с мусором дают один пакет с едой. В небольшой по площади Японии перерабатывают практически все отходы, а энергию от сжигания направляют на отопление цветочных теплиц.

За границей стремятся сократить объемы образования мусора. Раздельный сбор поддерживается на государственном уровне. К примеру, Китай после выделения опасных отходов сортирует оставшийся мусор на пригодный и непригодный к переработке.

Более скрупулезно к разделению отходов на финише относятся европейские страны: в Германии, Финляндии и Дании стекло делят по цвету; в западных областях Дании бумагу сортируют на газетную и остальную; в Швеции в некоторых городах организована система раздельного сбора даже пищевых отходов, например отделяют кофе и бумажные фильтры для кофеварки на этапе «мусорного ведра».

Количество свободных площадей под полигоны ТБО стремительно уменьшается. Сократить объем отходов позволяет сжигание, но в последнее время многие страны пересмотрели свое отношение к этому методу утилизации.

Чтобы максимально снизить риски для экологии и человека, к термической обработке мусора предъявляют жесткие требования: температура сжигания не менее 1000 °С; наличие на заводе дорогостоящей системы вентиляции и ее правильное обслуживание; переработка и безопасное размещение золы.

Поскольку и строительство, и тем более обслуживание мусоросжигательных заводов требует колоссальных средств, в Европе перестали строить новые предприятия, а многие старые закрыли из-за несоответствия экологическим нормам. Технология

сжигания мусора осталась актуальной для малых по площади стран, испытывающих дефицит мест для захоронения.

Дания, Швейцария, Япония, Нидерланды по-прежнему сжигают мусор, но тратят огромные деньги на очистку отводящих газов и поддержание оборудования в должном состоянии. Сжиганию подвергаются отходы, из которых уже отобрали полезные фракции для переработки. До 80% полученной энергии идет на производство тепла и электроэнергии.

Оптимальным способом утилизации отходов во всем мире по-прежнему считается рециклирование — переработка для дальнейшего использования. Более всего в ней заинтересованы Швеция, Дания, Швейцария, Германия, Бельгия, Норвегия, а также Австрия и Нидерланды: там перерабатывают до 50% от общего объема.

Великобритания, Испания, Португалия и Греция сильно отстали от своих соседей: они подвергают вторичной переработке до 15% мусора.

Еще недавно Китай был крупнейшим импортером мусора. Страна импортировала 45% мировых пластиковых отходов. При этом она принимала грязный и неотсортированный мусор. Китай использовал отходы для производства новых товаров, а грузоперевозчики специально предлагали скидку на транспортировку мусора, чтобы их корабли не возвращались из США и других стран пустыми. Но в 2018 году из-за недовольства населения иностранным мусором Пекин запретил ввозить 24 категории отходов. В результате многие страны стали отправлять больше мусора в Индию, Индонезию и Малайзию. Но и те вскоре ввели собственные ограничения. Например, Малайзия начала возвращать в развитые страны контейнеры с пластиковым мусором, если находила в них другие отходы.

— **Учитывается ли деятельность самих властей, когда мы считаем причиненный экологии ущерб? Ведь именно на органы власти возложена обязанность по контролю за соответствием хозяйственной деятельности требованиям охраны окружающей среды. Они проводят экспертизу, выдают разрешения. Отдельно взятый предприниматель чаще всего и не может опре-**

делить, как его деятельность повлияет на природу с учетом уже существующих предприятий в регионе.

— К сожалению, у нас так построена система принятия решений, что один орган отвечает за очень узкую сферу регулирования. И каждый орган по отдельности не рассматривает, не может и не обязан рассматривать ситуацию комплексно с позиции воздействия на окружающую среду. Решение о планировании в рамках градостроительной документации принимает один орган, экологическую экспертизу проводит другой, разрешение на строительство выдает третий. Каждый из них по отдельности действует в рамках закона. К тому же перед чиновниками не стоит задача действовать в интересах природы, они действуют в интересах бюджета. Поскольку обязанности чиновников определяются законом, об их ответственности говорить сложно. И потом экологические знания — это очень специфическая область: например, прокурор не всегда понимает особенности экологических нарушений, чтобы привлечь к ответственности. А иногда и в голову не приходит, что принятие нескольких отдельных взятых решений в итоге приведут к общей экологической катастрофе. Наглядным примером является ситуация в Красноярске, где в результате постепенной застройки оказались нарушенными движения воздушных потоков, что привело к значительному загрязнению атмосферного воздуха и угрозе здоровью населения целого города. Но пока шла застройка, предвидеть последствия никто не мог.

— Когда случается экологическая авария, прежде всего мы слышим о спорах по денежной оценке причиненного ущерба. Фактически установлен приоритет взыскания денежной компенсации в бюджет с причинителя экологического вреда. Почему законодатель не стимулирует принятие мер по его устранению?

— Да, сегодня действует правило «Причинитель вреда платит». Существует, можно сказать, негласный контракт, когда предполагается, что причинитель, заплатив сумму компенсации и штрафа в бюджет, передает государству полномочия по принятию фактических мер, направленных на устранение последствий экологического нарушения. Такой тренд должен измениться в сторону соблюдения интересов природы и восстановления конкретной экосистемы.

Механизм выплаты компенсации часто неэффективен, а иногда и неоправдан в этом плане. Например, недавно у нас было дело о затонувшем в море судне. При нынешнем подходе владелец судна должен был по закону заплатить компенсацию и мог оставить судно в море. Нам удалось убедить владельца и суд в том, что с точки зрения природы гораздо эффективнее достать судно со дна силами и за счет владельца и таким образом устранить полностью негативное воздействие на окружающую среду. Это позволило существенно сократить расходы владельца судна, а судебный спор был прекращен. На то, чтобы добиться такого решения, ушло 4,5 года судебных разбирательств. В классическом варианте природопользователя обяжут достать судно и компенсировать ущерб. Имущественный ущерб в нашем деле государственный орган оценил в 10 раз выше, чем стоимость самого судна. Да и в иных ситуациях размер ущерба не соотносится с реальной стоимостью восстановления природы, это, как правило, условное значение, рассчитанное по неким методикам. В экологических правонарушениях важным является еще и аспект оценки виновности нарушителя, потому что обычно, конечно, никто не хочет умышленно вредить природе, как и в том деле с затонувшим судном. Понятно, что владелец не желал, чтобы в результате шторма оно затонуло.

— Если установлен приоритет денежной компенсации причиненного ущерба, то как она рассчитывается?

— Ущерб рассчитывается на основе утвержденных методик. При этом есть методики по отдельным компонентам природной среды, например атмосферному воздуху, почвам, лесам, но они охватывают не все компоненты. В остальных случаях применяется комплексная методика исчисления размера вреда. Эти методики требуют доработки, поскольку в каких-то вопросах они уже устарели, а отдельные аспекты не адаптированы под текущую ситуацию. Например, по методикам ущерб рассчитывается исходя из минимальной площади загрязнения, который может быть как меньше, так и больше фактического, и тогда сумма компенсации будет меньше или больше, чем реальная стоимость мероприятий по восстановлению природы. Аналогичная ситуация с объектами животного мира, где методиками предусмотрены нормативные показатели, но они не учитывают ни региональные

особенности, ни уж тем более специфику деятельности предприятий. Например, одним постановлением несколько лет назад все водные объекты включили в реестр рыбохозяйственных водоемов с ценными породами рыб, туда попали и пересыхающие ручьи без рыбы и реки без ценных пород рыб. И теперь при расчете размера вреда биоресурсам применяются данные реестра без учета фактического состояния реки. Последствия по такой категории дел могут быть не только имущественные, но и уголовные. Есть еще вопрос, связанный с тем, что определение реального ущерба требует времени и наблюдений, иногда многолетних, так как реальный вред может проявиться спустя годы. Можно вспомнить ситуацию с разливом нефти в Мексиканском заливе, когда компания *BP* для сохранения репутации не только приняла меры по устранению разлива, но и выплатила компенсации жителям прилегающих территорий и взяла на себя обязательство наблюдения за экологической обстановкой в районе разлива в течение 10 лет.

Трудно представить такую практику у нас, да и кто готов ждать и наблюдать, ведь проще сегодня заплатить денежную компенсацию. Но экологический ущерб — очень сложное явление, иногда нельзя сразу увидеть все последствия, также необходимо учитывать способность природы к самовосстановлению. Все, наверное, помнят дело «Норильского никеля», где Росприроднадзор взыскал беспрецедентную сумму вреда в размере 146 млрд руб., а предприятие не стало оспаривать решение. Но никто не говорит о том, выиграла ли от такого результата разрешения спора природа — и конкретно водный объект и его экосистема, которая формировалась тысячелетиями. Подобный способ возмещения вреда не позволил выявить реальный вред и восстановить экосистему. Это угрожает потерей ассимиляционного потенциала водных объектов и уникальных экосистем, которые могут быть невозобновимы. Я не говорю уже об ухудшении качества жизни людей и животных в этой местности.

— **Можно ли попытаться такое решение по делу с затонувшим судном использовать в качестве прецедента, чтобы стимулировать принятие фактических мер по устранению вреда?**

— К сожалению, нет, но очень хотелось бы. И вообще, принцип прецедента для экологических деликтов —

неплохая мысль. Но это должно быть изменение политики на уровне государства. Возможность реализации прецедентного подхода осложняется тем, что использовать прецедентный подход в экологическом праве достаточно затруднительно. За всю нашу практику у нас не было ни одного повторяющегося дела, каждое дело уникально, несмотря на одинаковый предмет требований. Можно такую практику использовать для подготовки методик по определению причиненного ущерба. У нас есть подборка дел, повлиявших на развитие экологической практики, и она периодически пополняется. Это помогает уловить тенденцию развития отечественного экологического правоприменения.

— **Экологический вред может стать не локальной, а международной проблемой. Как решаются экологические споры между соседними государствами?**

— При ООН в 1993 году создана палата по экологическим спорам при Международном суде, но еще ни одного спора рассмотрено не было. Хотя вопросов в этой сфере очень много. Например, из последних событий — сброс воды с атомной станции «Фукусима» в Японии. Еще один вопрос, затрагивающий многие государства, который сейчас никак не решается и не обсуждается на международном уровне, — это космический мусор.

Согласно Стратегии экологической безопасности РФ на период до 2025 года состояние окружающей среды на территории РФ оценивается как неблагоприятное. В городах России, где проживает 74% населения страны, окружающая среда подвергается существенному негативному воздействию, 17% городского населения проживает в городах с высоким и очень высоким уровнем загрязнения воздуха.

— **Если говорить о том, что уже сейчас мы видим проявления изменения климата в результате воздействия человека (землетрясения, пожары, наводнения), не нужно ли соответственно менять нормативное регулирование под новые природные условия? Те же градостроительные нормы?**

— Однозначно говорить о влиянии человека на изменение климата нельзя. История систематических наблюдений за погодой составляет всего около 200 лет,

поэтому, мне кажется, рано говорить о том, насколько бесповоротны происходящие сейчас изменения и как климат будет развиваться дальше. Среди ученых тоже нет единого мнения на этот счет, возможно, это всего лишь очередной естественный климатический цикл природы. В ситуации неопределенности вводить новые обоснованные требования затруднительно. Не думаю, что это требуется именно сейчас. Требуется постоянный мониторинг и наблюдения за природными явлениями и антропогенной нагрузкой. В отдельных случаях связь наблюдается, например усиление ветров как следствие вырубки деревьев, гибель животных и водных ресурсов в результате загрязнения водных объектов, снижение качества питьевой воды, грязный воздух. Но без тщательных исследований пока трудно все это связать с проблемой изменения климата.

— **Расскажите о наиболее интересных делах, которые были в Вашей практике.**

— Одно из интересных дел — как раз то, что я уже упоминал, — дело об оспаривании предъявленного вреда, причиненного водному объекту в результате происшествия, повлекшего затопление плавучего судна (баржи). Еще одно — первое практикообразующее дело о применении Рамочной конвенции по защите морской среды Каспийского моря, принятой в Тегеране в 2003 году. Тегеранская конвенция является первым региональным соглашением, подписанным всеми пятью прикаспийскими странами (Азербайджан, Иран, Казахстан, Россия и Туркменистан). Она содержит общие требования к охране окружающей среды Каспийского края и предусматривает создание необходимых для этого институциональных механизмов. Дело включено в обзор Верховного Суда РФ.

Еще есть дело о взыскании вреда, причиненного атмосферному воздуху в результате пожара. В рамках рассмотрения дела был поставлен принципиальный вопрос о возможности применения методики оценки ущерба атмосферному воздуху в таких случаях, дело еще находится на рассмотрении.

В деле о переполнении мусорного полигона нам удалось отстоять интересы клиента. Природоохранный прокурор вынес представление о переполнении полигона в нарушение действующего проекта, взы-

скании ущерба почве и почвенным беспозвоночным, но суд пришел к выводу о недоказанности нарушения и установил, что фактическая вместимость объекта прокурором не определена, не было установлено, какое количество отходов и изолирующего слоя размещено на объекте, поэтому утверждение о том, что объем размещенных отходов не соответствует проекту, было необоснованным.

В другом споре с Росприроднадзором, который предъявил требование о взыскании вреда, причиненного морской воде (Тихому океану) в результате затопления судна, удалось доказать, что отвечает собственник, а не фрахтователь судна и что Росприроднадзором не доказано негативное воздействие на водный объект. В иске было отказано полностью.

Были случаи, когда удавалось привлечь к ответственности за причинение вреда природе и органы власти. Например, в результате несанкционированного сброса нефтепродуктов в коллектор образовалась нефтяная пленка на реке Волге. Нам удалось привлечь к ответственности мэрию города Ярославля за бесхозяйные врезки в коллектор и взыскать компенсацию причиненного ущерба в пользу доверителя.

Был казус, сопряженный с уголовным делом. Из-за разрыва подземного трубопровода погибли водные биоресурсы. Произошло это по причине того, что старый трубопровод между предприятием и полями фильтрации (трубы 1950-х годов, принадлежавшие в советское время неизвестному хозяйству) деформировался в почве. Росрыболовство предъявило обществу обвинение в бездействии, повлекшем попадание сточных вод в водный объект и гибель рыбы в крупном размере, с возбуждением уголовного дела. По результатам рассмотрения дела суд отказал Росрыболовству во взыскании вреда, отмечая среди прочего факт недоказанности причинно-следственной связи между гибелью рыбы и действиями общества. Отделом дознания после получения решения суда уголовное дело в отношении общества было прекращено.

Особенно интересным было дело, когда нам не просто удалось доказать отсутствие причинения вреда природе действиями клиента, а то, что складирование отходов лесопереработки благотворно сказывается на состоянии почвы, способствует созданию ус-

ловий для воспроизводства лесного фонда в данной местности.

Нами была организована научная экспедиция, проведены независимые экспертизы и проделана внушительная аналитическая работа. Клиент был полностью освобожден от уплаты штрафа и от расходов на рекультивацию земель.

— Какие первоочередные меры в области экологического законодательства стоило бы принять в самом ближайшем будущем, на Ваш взгляд?

— Прежде всего, я считаю, что необходимо по аналогии с омбудсменами по защите прав предпринимателей, человека, детей ввести должность омбудсмена по защите прав природы. Потому что сейчас непосредственно интересы природы никто не защищает. Чиновники и предприниматели в случае экологиче-

ского спора защищают интерес государства и бизнеса соответственно. Поэтому такой нейтральный орган, который сможет смотреть на ситуацию со стороны именно природы, особенностей существования экосистем, очень нужен. Важно, чтобы у него были возможности и полномочия по привлечению экспертов, проведению экспертиз и т.д. Еще я бы предложил создать специализированный суд по экологическим спорам. Например, Суд по интеллектуальным правам у нас есть, а по экологическим спорам нет, а это не менее сложная и специфическая отрасль, требующая вдумчивого и профессионального подхода. Еще, конечно, нужно повысить гарантии сохранения качества жизни и защиту права на благоприятную окружающую среду, для чего на уровне законодательства надо к компонентам окружающей среды отнести благоприятную среду проживания граждан, покушение на которую должно рассматриваться вследствие причинения вреда окружающей среде.■